

УДК 82.09:81
ББК 81
К-88

Кудинова Таисия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Права, культурологии, психолого-педагогических дисциплин» Ростовского государственного строительного университета, e-mail: ktaisija@yandex.ru;

Бурлаченко Наталья Владимировна, преподаватель кафедры «Английского языка естественных факультетов» Южного Федерального Университета, e-mail: classes61@gmail.com;

Схаляхова Саида Шамсудиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Майкопского государственного технологического университета.

СУБСТАНДАРТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ЗЕРКАЛО ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (рецензирована)

В статье анализируется субстандартная лексика в художественных текстах авторов двух поколений эпохи XX века – А.И. Солженицына и О. Дудинцева. Особое внимание уделено описанию криминального жаргона, подчёркивается, что криминальный субстандарт в современной языковой картине стал привычным явлением. Схематично воссоздаётся лингвокультурный типаж преступника современной России.

Ключевые слова: субстандартные единицы, просторечие, криминальный жаргон, жаргонизмы, диалектизмы, бранная лексика, обцензизмы, типаж.

Kudinova Taisa Anatolievna, Doctor of Philology, professor of the Department of Law, Culturology, Psychological and pedagogical disciplines, Rostov State University of Civil Engineering, e-mail: ktaisija@yandex.ru;

Burlachenko Natalia Vladimirovna, lecturer of the Department of English Language of Natural Faculties of Southern Federal University, e-mail: classes61@gmail.com;

Skhalyakhova Saida Shamsudinovna, Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Foreign Languages, Maikop State Technological University.

SUBSTANDARD UNITS IN THE LITERARY TEXT AS A MIRROR OF LINGUISTIC REALITY (Reviewed)

The article analyzes the substandard vocabulary in literary texts of the authors of two generations of XX century – A.I. Solzhenitsyn and O. Dudintsev. Special attention is paid to the description of the criminal jargon, it's been emphasized that criminal substandard in modern language pattern has become common. Lingvocultural criminal type of modern Russia has been reconstructed schematically.

Keywords: substandard units, popular speech, criminal jargon, slang, dialect, swearing vocabulary, type.

Язык как социальное явление во всей совокупности своих лексических и грамматических средств является определенной абстракцией, в том смысле, что полное владение всей этой системой представимо только в применении ко всему языковому коллективу. Язык же конкретного писателя вполне конкретен и соединен со своим носителем. Как отмечает В.В. Морковкин, «... язык, как живая, пульсирующая сущность, рассеян в человеке, каждый из которых, не вмещаая в себя его полностью, владеет лишь определенным его фрагментом. <...> Образно говоря, приходя в этот мир, человек как бы получает язык напрокат и пользуется им как орудием мышления, средством общения и хранилищем культурно-исторических традиций народа. Закончив же свой жизненный путь, человек возвращает язык обществу, но возвращает его несколько иным. Таким образом, язык как социально-этническое явление отдельными своими частями постоянно «процеживается» через всех говорящих на нем людей, что, собственно говоря, и позволяет ему развиваться» [1, с. 132].

А.И. Солженицын оказал огромное влияние на людей и события XX века, что обусловлено не только общественно-политическими идеями писателя. Его язык, работа по «языковому расширению» – это существенная часть биографии и индивидуальности писателя. Стиль прозы А.И. Солженицына возникает в результате движения к истокам народного языка, в котором он находит незатертые и энергичные средства выражения. Колоссальная известность пришла к А.И. Солженицыну с первой публикацией. Читателей поразило в «Иване Денисовиче» нерасторжимое единство правдивого содержания и правдивого языка. Событием стали не только герой, лагерная тема, но и язык.

Характерно, что в текстах А.И. Солженицына почти нет диалектизмов, даже в рассказах, где

действие происходит в старинной русской деревне. «Почти полное отсутствие диалектизмов при изображении быта и хозяйственной деятельности представляются значимыми: крестьянская жизнь начала второго послевоенного десятилетия утратила местный колорит..., обезличена, одинакова везде» [2, с. 179]. Просторечные и жаргонные элементы обозначают присутствие в авторском контексте чужого сознания, чужого аспекта, чужого голоса, чужих для повествователя форм речи. Просторечная единица у Солженицына – это, как правило, «двуголосое слово»: *Шухов вспомнил: сегодня судьба решается – хотят их 104-ю бригаду **фугануть** со строительства мастерских на новый объект «Соцгородок»; Бригадир озабочен, уладить идет. Какую-нибудь другую бригаду, нерасторопную, **заместо** себя туда **толкануть**; Шухов проворно спрятался от татарина за угол барака: второй раз попадешься – опять **пригребется**; Шухов вспомнил медсанбат на реке Ловать, как он пришел туда с поврежденной челюстью и – **недотыка** ж **хренова**! – доброй волею в строй вернулся. А мог пяток дней полежать; **Ухайдокался** бы сам на каменной кладке – небось бы тихо сидел* [3].

Жаргонные единицы нередко выделяются (при первом упоминании) с помощью курсива (которые разъясняются в словнике в конце рассказа): *Испыток не убыток, не попробовать ли в санчасти **косануть**, от работы на денек освободиться? ну прямо все тело разнимает; - Ше-восемьсот пятьдесят четыре! – прочел Татарин с белой латки на спине черного бушлата. – Трое суток **кондея с выводом**; ... **придурком** работает в конторе, помощником нормировщика* [3].

Показательно выделение курсивом выражений, которые в современном языке уже приблизились к стандарту: *... и хоть **шуметь** и **качать права** он, как человек робкий, не смел, но всякому арестанту и Шухову давно понятно, что, честно вешая, в хлебрезке не удержишься; ... **на шмоне** шапки тоже **шупают**: **одно**в надзиратель на иголку напоролся, так чуть Шухову голову со злости не разбил; Пантелеев, **сука**, опять в зоне остался. Ничего он не болен, **опер** его оставил. Опять будет стучать на кого-то; Сам повар того мешка с крупой три километра нести не станет, даст нести **шестерке**; Кто в зоне остается, еще так **шестерят**: прочтут на доске кому посылка, встречают его тут на линейке и номер сообщают; Мастерка так просто бросить нельзя. **Заначить** так **заначить**!* [3].

Автор описывает Шухова «извне», но с его же точки зрения. Как писал Жорж Нива, обобщающая сила «Ивана Денисовича» такова, что уравнивает собою целый свод «лагерной литературы». «Как пушкинский Самсон Вырин, гоголевский Башмачкин, Макар Деушкин Достоевского в свое время потеснили из русской словесности всевозможных патрициев и аристократов духа, так и Иван Денисович, безродный зэк, отправил в бессрочную отставку целый пантеон соцреалистических гомункулусов» [4, с. 211]. Реалистическое изображение жизни лагеря, естественно, невозможно без использования грубого просторечия (в прямой и несобственно-прямой речи): *Нет, **вкалывай**, падло! Пропадем тут все **на хрен**! Из плена? **Мать вашу так**! Вот этих наблюдателей пуще всего Шухов не терпит. В инженеры лезет, **свинячья морда**! А один раз показывал, как кирпичи класть, так Шухов обхохотался* [3].

Чаще всего бранная лексика служит для выражения эмоций персонажей: *А толпу всю и Шухова зло берет. Ведь что это за **стерва**, **гад**, **паскуда**, **загребенец**? Уж небо темно, свет, считай, от месяца идет, звезды вон, мороз силу набирает, а его, **пащенка**, нет! Что, не наработался, **падло**?*

А как те ближе подбежали, так:

*- Чу-ма-а! Шко-одник! **шушера**! **Сука позорная**! **Мерзотина**! **Скотина**!*

И Шухов тоже кричит: – Чу-ма!

*...только **начкар** покрикивает: – Не растягиваться! Сзади подтянуться! Подтянуться!*

*Да драть тебя в лоб, что ты **гавкаешь**? Неужто мы не подтягиваемся?*

*Но это были не серые **зэки**, а налипшие лагерные **придурки**, первые **сволочи**, сидевшие в зоне.*

*Завстоловой – откормленный **гад**, голова как тыква, в плечах ариин. Его хотели побить раз, так все повара на зачиту выскочили, **мордovorоты** на подбор.*

*Инвалид считается, потому что палец у него один оторван в драке, а **мордой** – урка* [3].

Однако бранные слова используются дозированно, нередко заменяются описательными оборотами, эвфемизмами: *Уж инструментальщик, наверно, его в **десять матов** **обкладывает**; Сотни глоток сразу как **заулюлюкали**: **и в мать их, и в отца, и в рот, и в нос, и в ребро**. Как **пятьсот человек** на тебя **разъярятся** – еще б не страшно! [3].* Надо заметить, что помета «бранное» – очень редкая в составленном А.И. Солженицыным «Словаре русского языкового расширения». Все бранные слова он поместил в конце словаря, объём которых составил одну страницу. И это, конечно, не те обцензизмы, которыми сегодня изобилует желтая пресса. Такой лексике, считал писатель, не

место ни в словаре, ни в речи культурного человека. Иное дело – их интенциональное использование в реалистическом художественном тексте, где для их воспроизведения автор использует отточия:

- *Бригадир! – кричит кавторанг. – Поставь меня с человеком! Не буду я с этим м...ком носить!*

Я раз...бай бы, не знал, что могу не сдать, послать их...

- *Стой, ...яди! – Хромой орет и палку поднял на передних. – Осади! Сейчас кому-то ...бальник расквашу!* [3].

К.И. Чуковский в своём «Дневнике» зафиксировал фрагмент спора с маршалом Соколовским, по мнению которого, «Иван Денисович» – это проповедь блатного языка, на что писатель «с визгом» ему возражал [5]. А.И. Солженицын в «Нобелевской речи» (1970 г.) подчеркнул, что правдивое слово не должно быть безликим, «без вкуса, без цвета, без запаха», ему пристало соответствовать национальному духу, этой первооснове языка [6]. Именно такие единицы, которые «из коренной струи языка», привлекали писателя с мировым именем.

Если в шестидесятые годы прошлого столетия криминальный жаргон в художественном тексте ещё вызывал отторжение и дискуссии, то в современной прозе, в кино, на телевидении этот криминальный субстандарт стал совершенно привычным явлением, поскольку в России начиная с 90-х гг. процесс криминализации приобрёл повсеместный характер. Передел собственности и жажда быстрого обогащения любыми возможными и невозможными методами породили множество разнообразных преступлений, ставших сюжетами различных медиатекстов. Фрагменты реальной российской действительности с её языковыми особенностями наглядно запечатлел Олег Дудинцев – один из создателей сюжетов телесериалов «Улицы разбитых фонарей» и «Убойная сила», в прошлом полковник милиции РУВД г. Санкт-Петербурга. Так, в его криминальном детективе «За базар ответим» повествуется о деятельности преступной группы. Ср: *Молодежь оказалась неподатливой и зубастой: понятий не придерживалась, авторитета не признавала, а проще сказать, беспредельничала.* Появилось новое уголовное сообщество «братство», и соответственно – новый авторитет над братками, братанами, быками, пацанами, именующими себя людьми с понятиями, которые могут барыг, горлопанов, жлобов, шантрапу, шелупонь угондошить, укокошить, урыть, укатать без суда и следствия, притопить в бассейне, пригвоздить к земле, перегрызть глотку, садануть, завалить. Кроме того, как показывает автор, в их обязанности входит наезжать, разводить лохов, поскольку надо им «свою грядку никому» не уступить, да и ещё менты-козлы достают своими шмонами: «по последнему убийству депутата шустрят», заказчиков ищут, на понт берут. И рыльской группировке «из-за этих отмороженных политиков спокойно бизнесом не заняться, – вскипел Замполит. – То валят друг друга без разбора, то компрой забрасывают, а нас по каждому случаю дергают. Беспредельщики, – с осуждением произнес он, и все присутствующие согласились» [7].

Описывая действия «братков» в предвыборной кампании, О. Дудинцев нарисовал художественные образы, воплотившие «в себе индивидуально-специфические и коллективно-типические характеристики людей», изобразил «типическое» как «симптоматичное, характеризующее существенные черты поведения определённых групп людей в заданных обстоятельствах» [8, с. 225]. Особенности коммуникативного поведения бандитов позволяют в некоторой степени схематично воссоздать лингвокультурный типаж преступника современной России. Писатель показал общественную опасность братства, в которой каждая личность преступника характеризуется:

- завышенной самооценкой (- *Кстати, в Думе много наших сидит, а уж по городам и не счесть. А мы, в натуре, глупее их, что ли? – Да мне самому запахло с ними договариваться*) [7];

- жаждой обогащения (- *Тебе все мало?! И так небось на домик в Испании наскочила?! – разозлился Швед. – Не скули. Все оплатим*) [7];

- агрессивностью и презрением к «чужим» (- *Я этого козла с голой жопой оставлю, – твердо пообещал тот; – Зря мы их тогда не урыли! – Совсем щенки оборзели! Пора этих недоносков на место ставить! – Мы их после угондошим, отвечаю, – пообещал Замполит*) [7];

- низким уровнем образованности (- *Не забудь, что половина наших быков без мата двух слов не свяжут, – заметил Тайсон; – Ну чего ты, в натуре, хлюпаешь? Щас в кабак поедем, оттянемся, и зарастит оно все*) [7];

- «маленькой внутренней культурой», не сформировавшей элементарные этические нормы (- *Кончай базар! – гаркнул поверх голов вышедший к народу распорядитель фонда; – А вам кто мешает?! – повысил голос Замполит. – Шевелите мозгами! Иначе нас как лохов обуют! Полюбуйтесь, чем эта шелупонь занимается! – захлебываясь от бешенства, прохрипел контрразведчик; – Только не надо на меня мокруху вешать! – заорал он*) [7].

О. Дудинцев специально не показывает читателю кровавых сцен, поскольку это и так понятно: асоциальные признаки лингвокультурного типажа преступника проявляются в его

речевом поведении:

– **Мужики**, если **срастется**, заставим Субботина каждую неделю о борьбе с преступностью отчитываться, – под дружный гогот **братвы** пообещал Замполит. – Да с такими возможностями у нас чихнуть бесплатно не посмеют. Поэтому до выборов никаких **разгуляловых**. Нарушителей живьем закопаю, – уже без шуток предупредил он. – После **оттянемся** [7].

Многочисленное использование писателем слов и выражений типа *авторитет*, *общак*, *кидать* ‘обманывать’, *базарить*, *за базар* *отвечу*, *отвечаю за базар*, *за базар* *ответим*; *на понт*, *для понта*, *в натуре*, *отморозки*, *отморозенные*, *по понятиям*, *с понятием*, *беспредел*, *беспредельщики*, *беспредельничать* позволяет сделать вывод о полной легализованности данных криминальных лексем в коммуникативной практике.

Некоторые жаргонизмы уголовной сферы в художественных произведениях, отразивших события середины и конца XX века, характеризуются жизненной устойчивостью. Ср.:

«Цезарь богатый, два раза в месяц посылки, всем сунул, кому надо, – да и **придурком** работает в конторе» [3] – «Ты из себя **придурка** не корчи» [7];

«Вышел из дверей Цезарь, жметесь – **с понтом** больной, за ним дневальных двое с той половины барака, двое с этой и еще хромой один» [3] – «Это они **на понт** нас берут», «Это все для **понта**» [7];

«За что Алёшка молодец: эту книжечку свою так заса́вывает ловко в щель в стене – ни на едином **шмоне** ещё не нашли» [3] – «Достали уже, козлы, своими **шмонами**» [7].

Анализ криминальных лексем языка писателей двух поколений: А.И. Солженицына, осветившего один день арестанта, и О. Дудинцева, показавшего фрагмент подготовки бандитской группы к выборам в местную власть, – подтверждает, что субстандартные единицы – продукт реальной действительности. Они прагматически значимы и при интенциональном использовании не просто актуализируют номинативное содержание, но могут быть связаны с конечным смыслом высказывания, и даже текста в целом. Ср. у О. Дудинцева эпиграф, в котором уголовная лексема заключает в себе негативную оценку бандитской акции и её демонстративный провал: *Все по уму, но лажа все же вышла* (Из песни) [7].

Литература:

1. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 131-138.
2. Мурзаева Т.И. Функции диалектизмов в рассказах А.И. Солженицына // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов: СПГИ, 2000. С. 175-183.
3. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt>.
4. Нива Ж. Мир Солженицына. М.: Прогресс, 1990. 302 с.
5. Чуковский К.И. Дневник 1901-1969: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2003. 638 с.
6. Александр Солженицын. Нобелевская лекция по литературе (1972). URL: <http://kp.ru/daily/24140.5/358716/>
7. Дудинцев О. За базар ответим. URL: http://bookz.ru/authors/oleg-dudincev/za-bazar_268/1-za-bazar_268.html
8. Карасик В. И. Языковые ключи. - Волгоград: Парадигма, 2007. - 520 с.

References:

1. Morkovkin V. V. Anthropocentric approach versus lingvocentric approach to lexicography / V.V. Morkovkin // National specific of the language and its reflection in the normative dictionary / Ed. Y.N. Karaulov. M.: Nauka, 1988. P. 131-138.
2. Murzaeva T.I. Functions of dialects in A.I. Solzhenitsyn's stories // Sentence and the word: paradigmatic, text and communicative aspects. Saratov: SPGI, 2000. P. 175-183.
3. Solzhenitsyn A. I. One day of Ivan Denisovich. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt>.
4. Niva J. World of Solzhenitsyn. M.: Progress, 1990. 302 p.
5. Chukovsky K.I. Diary 1901-1969: in 2 volumes. M.: Olma-Press, 2003. 638 p.
6. Alexander Solzhenitsyn. Nobel Lecture in Literature (1972). URL: <http://kp.ru/daily/24140.5/358716/>
7. Dudintsev O. We'll answer for the words. URL: http://bookz.ru/authors/oleg-dudincev/za-bazar_268/1-za-bazar_268.html
8. Karasik V.I. Language keys. Volgograd: Paradigm, 2007. 519 p.